

Александра Ильф

«Дела призывают нас в Одессу»

Илья Ильф и Евгений Петров – одесситы, и это, как говорил Остап Бендер, медицинский факт. Не удивляет поэтому, что их романы прослоены Одессой, – не могли же они забыть родной город, который знали лучше других городов?

Ильф писал когда-то: «Я был на нашей далекой родине. Снова увидел недвижимый пейзаж бульвара, платанов, улиц, залитых итальянской лавой».

Мне приятно следовать за Ильфом и Петровым.

Можно, например, выйти прекрасным летним утром из гостиницы «Карлсбад» («Лондонская». Архитектор Г.К. Швейрембрандт), фасад которой, «построенный в стиле Второй империи, украшен побитыми львиными мордами, необыкновенно похожими на лицо известного в свое время писателя Арцыбашева». Можно полюбоваться «общеизвестной одесской лестницей» (Потемкинской) и «бронзовой фигурой екатерининского вельможи, стоящего посреди площади» (то есть Дюка Ришелье), пройти по аллее Николаевского (то есть Приморского) бульвара мимо всего того, без чего нет Одессы, миновать Музей древностей (то есть Археологический музей), на ступенях которого «в тени музейных колонн» великий комбинатор признавался когда-то в любви Зосе Синицкой, и войти, например, в великолепный дом князя Гагарина.

Но сначала – об Остапе Бендере.

Бендер – образ собирательный. Но совершенно одесский. В нем проглядывают черты и мелкого ловкача Мити Ширмахеера, и Остапа Шора, «внешность которого, по словам В. Катаева, соавторы сохранили в своем романе почти в полной неприкосно-

И. Ильф и Е. Петров в «Гудке». 1929 г. Фото В. Иваницкого

венности: атлетическое сложение и романтический, чисто черноморский характер».

А фамилия?

Когда будущий Ильф жил на Малой Арнаутской (помните – «Всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской улице?»), по соседству была мясоторговля Бендера. Не ему ли обязан фамилией великий комбинатор?

Вполне возможно. Но эта фамилия была не такой уж редкой в Одессе:

Франц Францевич Бендер – преподаватель немецкого языка Одесского военного училища, где преподавал отец братьев Катаевых.

Луиза Мартыновна Бендер – преподаватель немецкого языка в частных гимназиях Одессы. В 1915-1916 жила по адресу: Пироговская ул., № 3, то есть в том же доме, где поселились Катаевы.

Еще один Бендер – сослуживец Ильфа по Опродкомгубу.

Настоящая Одесса навсегда поселилась в романах Ильфа и Петрова, прослоенных одессизмами, не всегда узнаваемыми иногородними читателями.

Кстати, нужно сказать, что эти иногородние жители склонны присваивать упоминаемые в романах географические точки. Например, по мнению жителей Саратова, Арбатов – это и есть их родной город (рифма!), жители Старобельска хотят быть Старгородом; если первый трамвай был пущен в Воронеже, значит, Старгород – это Воронеж. И так далее. Хвала Создателю, Жмеринка, не претендуя ни на что, всего лишь ограничилась памятником Бендеру рядом с вокзалом. Смешно утверждать, что авторы ставили целью подробно описать тот или иной город, в котором они побывали (из них лишь Козмодемьянск вполне «рифмуется» с Васюками).

Нам-то известно, сколько одесских реалий переключало в Старгород («Двенадцать стульев»)!

Не исключено, что одесская бубличная артель «Московские баранки» ведет свое происхождение от московской булочной и бубличной пекарни Яковлева, с 1872 г. помещавшейся на Пушкинской угол Ново-Рыбной, дом Томазини.

В Старгород перенесены одна из самых красивых улиц в Одессе – Пушкинская, где находится, как сказано в романе, «новое здание биржи, сооруженное усердием старгородских купцов в ассиро-вавилонском стиле», и каланча «пушкинской части с висевшими на ней двумя большими круглыми бомбами, которые указывали на пожар средней величины, возникший в районе». Здание биржи по-прежнему украшает Пушкинскую улицу, переключавшись, правда, в филармонию.

В главе «Прошлое регистратора ЗАГСа», где приводятся колоритные подробности светской жизни в дореволюционной столице Причерноморья, упомянут «известный всему городу фельетонист Принц Датский». Это одесский журналист Борис Давидович Флит, писавший под псевдонимами Маллори, Незнакомец и пр. Он был заикой. Эпизод с публикацией статьи Принца Датского о похождениях предводителя восходит к подлинному факту: в 1919 г. одесские власти созвали редакторов всех газет и категорически потребовали, чтобы никто не смел в своей газете даже заикнуться о расстреле семи человек (это была группа Жанны Лябурб). Флит ответил: «П-простите, но я з-заикаюсь решительно обо в-всем». Так давняя история высветила прото-

тип Принца Датского, и эту фразу запомнили не только Ильф и Петров.

В той же главе описывается событие, «взволновавшее передовые слои местного общества» и происходившее в кафешантане «Сальве». Кафешантана с таким названием в Одессе не было (были папиросы «Сальве»), однако кафешантаны пользовались популярностью. И Старый путеводитель по Одессе с увлечением сообщал: «К 3 часам ночи в ресторане полно, температура повышенная, пульс бьется усиленно, веселье и разгул в полном разгаре; за столами – артистки, распивающие со своими поклонниками шампанское, со всех сторон раздается пение шансонеток, тех же самых, которые час-два тому назад распевались со сцены; два оркестра наперерыв шумно исполняют те же модные шансонетки, тщетно пытаясь заглушить шум, стоящий в зале. Слышится звон посуды, пьяные голоса, ругань...». Приблизительно то же описано в романе.

Клуб Благородного собрания, где Воробьянинов избил присяжного поверенного, также был отлично знаком одесситам того времени: «Благородное собрание, на Дворянской улице угол Елисаветинской, носит несколько широкое название и не соответствует действительности. Доступ в члены этого клуба гораздо свободнее, чем можно это ожидать, судя по названию. В клубе сильно развита карточная игра. Устраиваются часто концерты, балы, маскарады» (Путеводитель по Одессе, 1905).

Нельзя не вспомнить, что в 1921 году в помещении бывшей редакции «Одесских новостей» рядом с Городским театром располагалась редакция профсоюзной газеты «Станок», где печатались Э. Багрицкий, В. Катаев, В. Нарбут, в ее редакции работал К. Паустовский. Ильф и Петров назвали «Станком» московскую газету «Гудок», где оба трудились.

Упоминание о костюме «лодзинских коричневых цветов» Авессалома Изнуренкова объясняется тем, что на Прохоровской улице в Одессе продавалось дешевое сукно из Лодзи.

«Мой папа, – говорил Бендер, – был турецко-подданный». Многие одесские евреи принимали турецкое подданство, что при некоторых житейских обстоятельствах было очень удобно. К примеру, тесть Эдуарда Багрицкого назывался: «католическо-

го вероисповедания турецко-подданный Густав Суок». В импровизированном некрологе Бендер называет себя Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей. Гибридное (турецко-немецкое) имя также характерно для Одессы.

По сути, вся вторая часть «Золотого теленка» посвящена Одессе.

Тождество Одессы устанавливается легко и неопровержимо.

Год основания Одессы соавторы знали точно, почему и написали в первом варианте романа («Великий комбинатор»), что «между древним Арбатовым, основанным в 794 году, и Одессой, основанной в 1794 году, лежали – тысяча лет и полторы тысячи километров грунтовой дороги». Не преминули они отметить, что в чемоданчике, в котором Корейко хранил свои несправедливо нажитые миллионы, честный человек мог держать брюки из клетчатой ткани «Столетье Одессы».

Споры относительно происхождения названия города (Черноморск) совершенно беспочвенны. В «Великом комбинаторе» этот город на Черном море без затей называется Одессой. Открытым текстом сказано, что Корейко служил «в канцелярии юридической консультации, находившейся на Пушкинской улице в Одессе» (гл. 5).

Кстати, Черное ли море? Можно, конечно, затеять склоку: уж не Азовское ли оно? Нет, Черное! Читаем: «Горящий обломок луны низко висел над остывающим берегом. На скалах сидели черные базальтовые, навек обнявшиеся парочки. Море шушукалось о любви до гроба, о счастье без возврата, о муках сердца и тому подобных неактуальных мелочах. Звезда говорила с звездой по азбуке Морзе, зажигаясь и потухая. Световой туннель прожектора соединял берега залива. Когда он исчез, на его месте долго еще держался черный столб».

Закончим убедительными цитатами из «Великого комбинатора»:

– Привет первому одесситу! – крикнул Остап... – Морские ванны еще работают? Бани Исаковича функционируют? Уже объявили Одессу вольным городом?

– Дела призывают нас в Одессу, – говорит Бендер своим соратникам.

Продолжаем читать «Золотого теленка»:

Кафе «Флорида» – это кафе Фанкони, теперь возрожденное на прежнем месте. По словам Дона Аминадо, «...Настоящее кофе со сливками можно пить только у Либмана, чай с пирожными лучше всего у Фанкони...». Но не это было главным у Фанкони: «Кафе очень усердно посещается хорошей публикой и коммерсантами, – утверждает старый путеводитель по Одессе. – Место, где узнаются всякие злободневные новости». В «Золотом теленке»: «Здесь, у столовой № 68, где раньше помещалось прославленное кафе «Флорида», собирались обломки довоенного коммерческого Черноморска: маклера, оставшиеся без своих контор, комиссионеры, увядшие по случаю отсутствия комиссий, хлебные агенты, выжившие из ума бухгалтеры и другая шушера. Когда-то они собирались здесь для совершения сделок». «Пикейные жилетыazole бывшего кафе Фанкони утверждали, что «такого августа не было со времени порто-франко». Был такой август или не был, но порто-франко, ошастливив и обогатив Одессу еще в 1817 году,

Кафе Фанкони

продолжало это делать сорок лет кряду». Не забавно ли, что будущий Ильф родился на Старо-Портофранковской улице?

Гостиница «Карлсбад» – псевдоним «Лондонской». Из старого путеводителя по Одессе: «Из всех гостиниц Одессы первое место бесспорно принадлежит «Лондонской», помещающейся на Николаевском бульваре. Гостиница роскошно обставлена по образцу лучших европейских отелей, имея все новейшие приспособления и удобства... Чудный вид на море и порт...» и т. д. В Катаев называл «Лондонскую» «самой шикарной нашей гостиницей». В романе упомянуты бесчисленные вестибюльные, лестничные и коридорные зеркала, просторные номера, красные плюшевые кресла с бахромой и кистями, бархатная скатерть с позументами, гравюра «Явление Христа народу», ковер, сияющий яркими химическими колерами, золоченые ламбрекены и т. д. Даже десять лет советской власти не смогли истребить эти «остатки прежней роскоши».

«Учреждение... называлось «Геркулес» и помещалось в бывшей гостинице» (гостиница «Большая Московская» на Дерибасовской угол Колодезного переулка, против Городского сада, «где толстая струя фонтана оплывала как свеча»). В годы революции в этом здании размещался Опродкомгуб (Особая губернская продовольственная комиссия по снабжению Красной Армии), где Ильф служил бухгалтером в 1921 г.

Киностудия, которой Бендер удачно продал сценарий «Шея», – 1-я Черноморская кинофабрика ВУФКУ (Всеукраинского фотокиноуправления) на Французском бульваре. Гипсовые (как написано в романе) или алебастровые (как уверяет А. Розенбойм) львы по-прежнему караулят ворота киностудии.

О Приморском бульваре и одесском порте: «Внизу, на бульваре, лепетали гуляющие, перемалывая ногами гравий, реяло над черными кленами слитное дыхание симфонического оркестра. В темной глубине порта кичился огнями и гремел железом строящийся холодильник. За брекватером ревел и чего-то требовал невидимый пароход, вероятно просился в гавань». А Корейко «взрывал ногами гравий на бульваре и глядел в темную пропасть порта. Там переговаривались невидимые пароходы, слышались милицейские свистки, и поворачивался красный маячный огонек».

Частная гимназия Илиади «со всеми правами правительственных гимназий», где в третьем классе Бендер зазубрил латинские исключения («пуэр, соцер, веспер, генер...»), была на Дворянской угол Херсонской, и в этой гимназии учились друг Ильфа Лев Славин, а также прототип Бендера – Остап Шор.

«Где первое общество взаимного кредита? Где, спрашиваю я, второе общество взаимного кредита?» – с горечью вопрошал зиц-председатель Фунт, и земляки – современники Ильфа и Петрова вспоминали 1-е общество взаимного кредита на углу Пушкинской и Греческой улиц, и 2-е общество взаимного кредита (Торгово-промышленное и ремесел общество взаимного кредита) на Греческой, между Ришельевской и Пушкинской.

Паниковский делится с Балагановым тайной якобы золотых гири Корейко в буфете искусственных минеральных вод. Буфеты Одесского общества искусственных минеральных вод, основанные в 1829 г, помещались в Малом переулке, на Николаевском бульваре, вблизи Александровского парка, на Дерибасовской, на Гаванной, в Пассаже и др. Такие заведения, оставшиеся с дореволюционных времен, еще при нэпе были разбросаны по всей Одессе.

Своеобразной достопримечательностью города были теплые морские ванны, о которых Ильф писал: «Когда всё в Одессе разрушится, морские ванны по-прежнему будут сиять и переливаться светом. Одесситы любят морские ванны». В старой Одессе были популярны «Заведения теплых морских ванн – Гойковича, Гроссмана и Тригера».

Зиц-председателя Фунта милиционеры увозят в «дом из красного кирпича, к окнам которого по странному капризу архитектора привинчены толстые решетки». Одесская тюрьма в юбилейном для Одессы 1894 г. была переведена с Ново-Рыбной на дорогу к Люстдорфу в новое здание, отвечающее описанию.

Слух одесситов ласкает указание на то, что акации «в Черноморске несли некоторые общественные функции: на одних висели синие почтовые ящики... к другим же были прикованы жестяные лоханочки с водой для собак». Об этих «зеленых жестянках с водой у акаций, с надписью «для собак», поставленных «иждивением» одного сумасшедшего грека, писал еще Жаботинский, а потом и В. Катаев.

Улицей Полтавской победы, на которой молодой Корейко мечтал найти бумажник с деньгами, одно время называлась бывшая и нынешняя Канатная. Кстати, прототип Бендера – Остап Шор – жил на этой самой улице, в доме № 78.

Малая Касательная улица – «гибрид» Малой Арнаутской и спародированной (однако существующей до сих пор) Косвенной.

Арнаутские галереи опоясывают старинные дворы на обеих Арнаутских и других одесских улицах.

«Бронзовая фигура екатерининского вельможи, стоящая посреди площади», – конечно же, памятник герцогу Ришелье.

Улица Лассалья – послереволюционное название Дерibasовской. Улицей Меринга именовалась Нежинская: «Миновали несколько зеркальных пивных баров и остановились на углу улицы Меринга. Цветочницы с красными матросскими лицами купали свой нежный товар в эмалированных мисках». Эти цветочницы десятилетиями сидели на углу Екатерининской и Дерibasовской.

«Как ближе проехать к Старому рынку?» – улица Базарная получила название от рассекавшего ее Старого базара.

Второе христианское кладбище, раскрывшее объятия отцу «вице-короля Индии», находилось на границе с Молдаванкой. В «Двойной автобиографии» Ильфа и Петрова сказано, что один из соавторов, родившийся «под видом Ильи Ильфа», в детстве лазил «через забор на кладбище, чтобы рвать сирень».

Одесский костел, где ксендзы боролись с Остапом за душу Козлевича, – католический костел Св. Климента (Молдаванка, угол Балковской и Выгонной, против Конной площади), построенный в готическом стиле: «Костел был огромен. Он врезался в небо, колючий и острый, как рыба кость... Полированный красный кирпич, черепичные скаты, жестяные флаги, глухие контрфорсы...».

В 1920-е годы завод № 1 «Одесская Бавария» выпускал и рекламировал пиво «Тип-Топ», о котором теперь можно прочесть разве что в «Золотом теленке»: «А миллионер, может быть, сидит сейчас в этом так называемом летнем саду, за соседним столиком, и пьет сорокакопеечное пиво «Тип-Топ». Вот какой была увлекательная реклама тех лет:

ПЕЙТЕ ПИВО «ТИП-ТОП» В ПИВНЫХ БАРАХ ПИЩЕТРЕСТА.
ПИВНОЙ БАР.

УЛ. ЛАССАЛЯ, 8 ПИЩЕТРЕСТА.

ПИВО: ПИЛЬЗЕНСКОЕ, МАРТОВСКОЕ, «ТИП-ТОП».

В записной книжке Ильфа (1927) над подписью: «А вот я и в дражайшей Одессе» прикреплена наклейка с бутылки пильзенского, однако венчает композицию рекламный призыв Ильфа на «державной мове»:

Пийте пиво Тип-Топ!

Кроме пива популярностью пользовалась сельтерская вода с зеленым сиропом «Свежее сено».

«И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана». После революции через пограничный город Шепетовку люди выезжали в Польшу. То есть за границу. Но в начале 1930-х это стало невозможным. «В конце концов заграница – это миф о загробной жизни, – печально резюмировал Ильф. – Кто туда попадает – не возвращается назад». И еще пару десятилетий назад мы были того же мнения.

Остап пытался бежать из Одессы в Румынию. В начале 1920-х сотни смельчаков проделывали этот рискованный путь. Некоторые погибали на границе или от рук чекистов. Бегство через замерзший Днестр в Румынию было настолько обыденным явлением, что нашло отражение в «Золотом теленке». Но у некоторых одесситов это получалось удачней, нежели у великого комбинатора.

Фамилии

Реально существовали носители фамилий, доставшихся литературным персонажам: это часовщик Фунт; представитель фирмы «Патефон» Залкинд; купец 1-й гильдии Зайонц; владелец аптекарского и парфюмерного склада Бомзе; инженер Генрих Христофорович Брунс и его однофамилец, владелец знаме-

нитой пивной; служащий ссудно-сберегательной кассы Берлага... Многие из сослуживцев Ильфа по Опродкомгубу переместились в «Геркулес»: еще один Берлага, Лapidус, Пружанские. З.К. Остен-Сакен превратился в друга детства Бендера – Колю Остен-Бакена.

Елена Станиславовна и вправду существовала, только ее фамилия была не Боур, а Гинцингер. Фамилия окружного прокурора Боура принадлежала одесскому мировому судье З.С. Боуру, имевшему местожительство на Черноморской улице в Одессе.

Сколько ни бился один американский славист, но не смог догадаться, что немецкий специалист Генрих-Мария Заузе получил свою фамилию от одесского художника В.Х. Заузе (1859-1939).

Евсей Рудольфович Полуфабрикант – спародированная, очень «одесская» фамилия Фабрикант.

Сереженька Кастраки – определенно греческая фамилия (напрашивается вариант: Костаки).

Директор дворянской гимназии, где учился юный Воробьянинов, носил прозвище Сизик. Как писал В. Катаев, в его гимназии был «классный наставник, латинист, поляк Сигизмунд Цесаревич, которому была дана странная, ни на что не похожая кличка Сизик...». В той же 5-й гимназии учился и его младший брат, будущий соавтор Ильфа.

Не случайна фамилия Брунса (того, кому достался гарнитур генеральши Поповой), проживающего на Виноградской, № 34: «Старейшая и самая популярная пивная, принадлежащая Брунсу, помещается во дворе огромного дома Вагнера», – сказано в путеводителе по Одессе (1905). Виноградная улица находится на Молдаванке. «Пивная Брунса считалась первой на всем земном шаре, подавали там единственные в мире сосиски и настоящее мюнхенское пиво» (Дон Аминадо).

Прочие одесские реалии

...от жилетки рукава, круг от бублика и от мертвого осла уши.
По словам К. Паустовского, «древний закон барахолки в Одессе» был таков: «Если хочешь что кушать, то сумей загнать на Толчке рукава от жилетки».

Всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской улице. С давних времен там фабриковали, к примеру, слабительные таблетки, выдавая их за патентованные заграничные, там жили скупщики краденого, карманные воры, мелкая уголовная сошка.

Знаменито! Одесский поэт Марк Тарловский определил это восклицание как «одесское словечко. Синоним слов «превосходно», «отлично».

Честное благородное слово. Вспомним, что Петя Бачей в сочинениях В. Катаева постоянно употреблял эту, не побоюсь сказать, одесскую клятву.

Шмуклерский товар. Из одесских объявлений: «В новооткрытом магазине № 15 МОДНО-ПОЗУМЕНТНЫХ ИЗДЕЛИЙ И ВЫШИТЫХ ТУЛЬБЕВ Н.О. СТЕПКОВСКОГО имеются в большом выборе всевозможные шмуклерские и галантерейные товары. Цены самые умеренные. Одесса, Александровский проспект, дом наслед. Бармаса, № 15».

Батистовые портянки будем носить, крем Марго кушать. Одессит Л. Славин в романе «Наследник» писал о девушке, которая «бежала обедать в столовку, волнуемая... предчувствиями крем-марго на сладкое».

«Битва при пирамидах, или Бендер на охоте!» Источник восклицания великого комбинатора – выставка польского художника Войцеха Коссака (1856-1942), состоявшаяся в Одессе (1906). На ней экспонировалась серия картин «Битва при пирамидах».

...Грудастые дамские оркестры беспрестанно исполняли «танго-амапа...». «Танго-амапа» – бразильский вариант модного перед первой мировой войной танго. В одесском альманахе «Серебряные трубы» в 1915 году появилось стихотворение молодого поэта Анатолия Фиолетова «Пьяный вечер»:

В тавернах, полных народа, трубил граммофон огромный,
Звенел жеманный танго, кружился танго истомный.

<...> ...Хозяин, почтительно снявши шляпу,

Присил, чтоб я еще раз сплясал пьянящий «Амапа»...

Нельзя не вспомнить об одесской артистке и певице Изе Кремер, знаменитой и, пожалуй, первой исполнительнице авторских

песен. Именно ей принадлежит «давно позабытая мелодия», под которую танцевал Бендер в «Золотом теленке»: «Под небом знойной Аргентины, Где небо южное так сине, Где женщины, как на картине, Танцуют все танго». «Его медальное лицо было повернуто в профиль. Он становился на одно колено, быстро поднимался, поворачивался и, легонько переступая ногами, плавно скользил вперед. Невидимые фрачные фалды разлетались при неожиданных поворотах»: «Остап танцевал классическое провинциальное танго, которое исполняли в театрах миниатюр двадцать лет тому назад».

Изабелла Яковлевна Кремер (1887-1956) родилась в Бессарабии, в 1914-1919 жила и выступала в Одессе, в журналах печатались ее стихи. Удивительное совпадение: она скончалась в той самой «далекой знойной Аргентине», о которой написала когда-то свой знаменитый романс.

В фельетоне Ильфа и Петрова «Саванарыло» (1932) встречается цитата, происхождение или автора которой никак не удалось определить: «Она была бы в музыке каприччио, в скульптуре статуэтка ренессанс». И что же? В конце концов оказалось, что это романс Изы Кремер. Не могу отказать себе и вам в удовольствии привести его хотя бы частично:

Романс «Мадам Люлю»

Слова Изы Кремер, музыка А. Симциса

Она была бы в музыке каприччио,
В скульптуре статуэтка ренессанс.
От всех в ней есть какое-то отличие –
Мадам Люлю, бульвар де Франс.

Ее изящной тайной окружает
Шуршанье шелка, ласковый угар,
Что скрыто им – тот угадает,
Кто знает тайну женских чар.

Ей запах амбры так подходит,
Ее движенья рай сулят.
Мадам Люлю с ума вас сводит,
Глаза мерцают и горят.

«Мадам Люлю, я вас люблю!» –
Ей шепчут страстно и знойно.
Она молчит, лишь взгляд скользит
Так равнодушно, спокойно...

Двадцать пять лет жизни, проведенные в родном городе, навсегда привязали к нему Ильфа. Начать с того, что в 1923 году, после приезда в Москву, Ильф написал с десяток «одесских» рассказов. В его записях нет-нет, а мелькнут одесские фамилии – *Манылам, Пфедеркорн, Ксида*; одесские улицы – *Косвенная* и *Гулевая*. Запомнилась Ильфу и вывеска *Генерального общества французской ваксы* (бывш. завод Жако), располагавшегося на Молдаванке. В Минске – *«плитчатый одесский тротуар»*.

Это об Одессе сказано в его записных книжках:

Общество приказчиков-евреев и общество приказчиков-христиан.

В 1920 году в пустынный порт пришел итальянский пароход с шляпами-канотье.

Счастливые годы прошли. И уже показался человек в деревянных сандалиях. Нагло стуча, он прошел по асфальту.

Когда всё в Одессе разрушится, морские ванны по-прежнему будут сиять и переливаться светом. Одесситы любят морские ванны.

Что же касается пикейных жилетов, то они полны таких безумных сожалений о прошлом времени, что, конечно, они уже все сумасшедшие.

Я был на нашей далекой родине. Снова увидел недвижимый пейзаж бульвара, платанов, улиц, залитых итальянской лавой.

Памятник Суворову во дворе жилтоварищества.

Конная статуя профессора Тимирязева в повести соавторов «Светлая личность» (1928) – по сути, дубликат памятника Суворову в Одессе, во дворе бывшей мастерской скульптора Эдуардса.

«В Одессе, в Софиевском переулке, против Художественного музея, до революции была мастерская известного скульптора Б. Эдуардса. По заказу военного министерства он отлил огромную бронзовую статую Суворова для Измаила. После революции скульптор эмигрировал, а невостребованная статуя долго стояла во дворе бывшей мастерской», – сообщает одесский краевед С.З. Лущик.

Из записных книжек Ильфа (1928): «Во дворе была когда-то скульптурная мастерская. И до сих пор стоит посреди жилтоварищеского дома конная статуя Суворова и пешая какому-то герою 12-го года, а какому, уже нельзя узнать. Видны только баки Отечественной войны».

Подтверждает Л. Славин: «Самый большой памятник в Одессе – фельдмаршал Суворов на коне, помещающийся во дворе жилтоварищества № 7 по Софиевскому переулку» (Лев Славин. Одесские гасконцы. 1929).

Ксидо. В нем вдруг и с необыкновенной силой пробудились древнееврейское влечение к золоту и новогреческая страсть к торговле.

Никто не пытался комментировать эту эффектную фразу. Догадки не помогают, это нужно знать. Информацию, как всегда, ищем и находим в Одессе: «В 1856 году совсем еще немногочисленная индустрия Молдаванки пополнилась свечной фабрикой греческого купца Константина Ивановича Ксиды... В начале 80-х годов XIX века наследники покойного купца получили разрешение на устройство при действующем предприятии мыловарни, и через десять лет мыловаренно-свечная фабрика Ксиды становится одной из крупнейших в городе» (Донцова Татьяна. Молдаванка. С. 183).

В конце позапрошлого и начале прошлого века Молдаванка была наиболее оживленным и густо заселенным предместьем Одессы, примыкавшим к центральной части города по черте Старопортофранковской улицы, на которой родился будущий автор «Записных книжек». Что это нам дает? Константин Ксида (не Кси-

до, как у Ильфа, а Ксида) был греком, – отсюда «новогреческая страсть к торговле». Свечная фабрика (не прототип ли свечного заводика, о котором мечтал отец Федор?) находилась в многонациональном районе, населенном бабелевскими типами, что и объясняет «древнееврейское влечение к золоту».

Ильф никогда не забывал «дражайшей Одессы», хотя бывал не слишком часто. В июле 1926 года он пишет: «Получу отпуск 10-го августа. Выторговал себе отпуск на 5 дней раньше. Выеду, наверно, 9-го и приеду 11-го. Мечтаю есть следующее: скумбрию во всех видах, помидоры, пшенки, кавуны, кефир, брынзу и дыни». Командировка 1929 года принесла очерк «Путешествие в Одессу», который можно назвать юмористической характеристикой родного города:

«Любознательному туристу Одесса дает вкусную пищу для наблюдений.

Одесса один из наиболее населенных памятниками городов.

До революции там обитало только четыре памятника: герцогу Ришелье, Воронцову, Пушкину и Екатерине Второй. Потом число их еще уменьшилось, потому что бронзовую самодержицу свергли. В подвале музея истории и древностей до сих пор валяются ее отдельные части – голова, юбки и бюст, волнующий своей пышностью редких посетителей.

Но сейчас в Одессе не меньше трехсот скульптурных украшений. В садах и скверах, на бульварах и уличных перекрестках возвышаются ныне мраморные девушки, медные львы, нимфы, пастухи, играющие на свирелях, урны и гранитные поросята.

Есть площади, на которых столпились сразу два или три десятка таких памятников. Среди этих мраморных роц сиротливо произрастают две акации.

Стволы их выкрашены известью, на которой особенно отчетливо выделяются однообразные надписи – «Яша дурак». На спинах мраморных девушек тоже написано про Яшу.

Львы и поросята перенесены в город из окрестных дач. Что же касается нимф и урн, то похоже на то, что они позаимствованы с кладбища. Как бы то ни было, вся эта садовая и кладбищенская скульптура очень забавно украсила Одессу.

Кроме памятников город населяют и люди.

Об их числе, занятиях и классовой принадлежности турист может узнать из любого справочника. Но никакая книга не даст полного представления о так называемом «Острове погибших кораблей».

«Остров» занимает целый квартал бывшей Дерibasовской улицы, от бывшего магазина Альшванга до бывшей банкирской конторы Ксидиаса. Весь день здесь прогуливаются люди почтенной наружности и твердых соломенных шляпах, чудом сохранившихся люстриновых пиджаках и когда-то белых пикейных жилетах.

Это бывшие деятели, обломки известных в свое время финансовых фамилий.

Теперь белый цвет акаций осыпается на зазубренные временем поля их соломенных шляп, на обветшавший люстрин пиджаков, на жилеты, сильно потемневшие за последнее десятилетие.

Эти погибшие корабли некогда гордой коммерции. Время свое они всецело посвящают высокой политике, международной и внутренней. Им известны также детали советско-германских отношений, которые не снились даже Литвинову.

Отвлечь от пророчеств их может только процессия рабов в хитонах, внезапно показавшаяся на Ришельевской улице.

Рабы с галдением останавливаются на углу. Вслед за ними движутся патриции в тогах. За преторами бегут какие-то начальники когорт и пращники. За пращниками следуют тяжеловооруженные воины из секции совторгслужащих биржи труда. Шествие замыкает разнокалиберная толпа, которая несет в кресле очень тощего Юлия Цезаря.

Делается шумно и скучно.

Всем становится ясно, что ВУФКУ пошло на новый кинематографический эксцесс – опять ставит картину из быта древнеримской империалистической клики.

Подъехавшие на семи фаэтонах кинорежиссеры устанавливают римско-одесский народ шпалерами. Статисты, стоя на фоне книжного магазина Вукопсилки, машут ветками акаций, потому что на пальмы не хватило кредитов.

Граждане города, не нанятые в римляне, с омерзением смотрят на действия родной киноорганизации.

После триумфа фэзтоны с режиссерами трогаются в направлении общеизвестной одесской лестницы. Туда же несут Цезаря, закусывающего на своей высоте «бубликами-семитати».

На общеизвестной одесской лестнице снимаются все картины, будь они из жизни римлян или петлюровских гайдамаков – все едино.

Если турист располагает временем, то ему стоит подождать судебного процесса, который обязательно возникнет по поводу постановки римского фильма».

Венцом одесских реминисценций Ильфа могут быть названы микроновеллы об Одессе, оккупированной древними римлянами. Не касаясь юмористических ситуаций, задержусь лишь на топонимике Одессы:

Костецкая – улица на Молдаванке; *бывшая улица Лассалья* – Дерибасовская; *Тираспольская, Преображенская* – улицы в центре Одессы; *кафе Дитмана* – известное кафе-кондитерская П. Дитмана на Тираспольской, № 2; *Дворец командующего Одесским военным округом* (ныне Дворец моряков) – *Николаевский* (ныне Приморский) бульвар, № 9; *«Альказар»* – кафешантан; *Литературно-Артистический клуб* (1912–1920), членами которого были одесские писатели, журналисты, музыканты, художники; *Большой Фонтан* – когда-то дальний пригород у моря, на станции которого паровозики привозили желающих отдохнуть; *Музей истории и древностей* – ныне Археологический музей; *Горсад* – Городской сад, примыкающий к Дерибасовской улице; *кино «Слон»* Я. Калениченко на Мясоедовской, № 1 (Молдаванка); *Пале-Рояль* – камерный сквер возле Оперного театра, по периметру которого располагались модные магазины и кафе, в том числе *кафе-кондитерская Печеского*.

Перед тем как отправиться в путешествие на кораблях Черноморского флота (осень 1933), Ильф совершает двухдневную поездку из Севастополя в Одессу, где живет в «холодном храмовом номере «Бристоля». Он наносит визит теще Елене Андреевне, которую называет по-одесски «момчик» («Момчик даже дал мне жареную скумбрию»). В Минске – «плитчатый одесский тро-

туар». В Неаполе он сравнивает какие-то здания с «магазинчиками в доме Вагнера».

Одесса для Ильфа и Петрова – некий эталон для сравнений: «В салоне для сочинения писем <...> живопись такая, как в фойе какого-нибудь одесского театра миниатюр в 1911 году». «Сегодня в Голливуде просто жарко, как в Одессе летом». «И здесь, по другую сторону океана, те же Бени Крики» (письма Ильфа из Штатов).

В «Одноэтажной Америке» слышится элегический вздох соавторов: «Есть Одессы. Не беда, если возле Одессы нет не только Черного моря, но и вообще никакого моря. Помещается она в штате Техас. Какого это одессита забросило так далеко?».

Можно с удовольствием назвать еще многое, но и без того очевидно, что одесские мотивы в романах Ильфа и Петрова звучат весьма отчетливо, и это своего рода фонограмма тех далеких времен.

На прощанье – некий парадокс: если ранее комментарии к романам Ильфа и Петрова сопровождались отсылками к самым разнообразным литературным и документальным материалам, то сейчас любые изыскания в соответствующей области уверенно подтверждаются цитатами из знаменитой дилогии.

